

Вестфаль К.Р.

профессор философии философского факультета Босфорского университета, 34342 Бебек, Стамбул, Турция; профессор философии в Школе философии Университета Восточной Англии, Норвич, Великобритания; приглашенный профессор в Институте образования Университетского колледжа Лондона, Великобритания. E-mail: ken.westphal@boun.edu.tr.

Моральный конструктивизм, теория общественного договора и основные обязанности: Кант против Готье*

Аннотация: В статье автор анализирует теорию общественного договора современного канадско-американского философа Дэвида Готье (р. 1932 г.)¹, сопоставляя ее с кантовским учением о праве. Готье исходит из понятия «рационального делибератора», но не видит оснований утверждать моральную необходимость для оправдания действий одного субъекта перед другими. Договор отвечает потребности каждого субъекта в оправдании ограничений общества, а не решает проблему его оправдания перед окружением. Позиция Готье противопоставлена позиции Томаса Скэнлона, утверждающего, что в основе морали лежит согласие каждого актора с другими ввиду необходимости оправдания перед ними собственных действий. Оба взгляда считаются конструктивистскими, поскольку отвергают моральный реализм. Кантовское учение о праве нейтрально по отношению к моральному реализму, но конструктивно по отношению моральным нормам.

Действия, центральные для Готье и Скэнлона, суть принципиально произвольные соглашения. Принятие соглашений за основу морали связано с существенными проблемами, которые обнаружил Кант. Кантовское учение о праве обходит эти проблемы, определяя и оправдывая независимые от соглашений базовые социальные нормы, представляя оправдание собственного действия перед другим и оправдание действия другого как аспекты одной и той же причины оправдания, действительной независимо от каких-либо соглашений.

Ключевые слова: Дэвид Готье, Кант, моральный конструктивизм, общественный договор, обязанности, контрактаризм.

* Статья была опубликована на немецком языке в: Jahrbuch für Recht & Ethik / Annual Review of Law & Ethics. Bd. 22. 2014. S. 545–563.

¹ Дэвид Готье (род. 10 сентября 1932 г.) – канадско-американский философ, известный неогоббсианской теорией общественного договора, которую изложил в книге «Мораль по соглашению» (Morals by Agreement, 1986). – *прим. пер.*

Памяти Б. Шерон Бёрд

§ 1. Введение

В статье «Политический контрактаризм» (1997) Дэвид Готье разрабатывает особый, тщательно продуманный вариант теории оправдания социальных норм и практик общественным договором. На протяжении многих лет он постепенно уточнял его, чтобы избежать известных и законных возражений против подобных теорий справедливости: они, как правило, пренебрегают значением семьи и воспитания, сводят общественные отношения к договорным или исходят из того, что наши ценности и жизненные проекты формируются до общества, и потому не должны быть социально обусловлены². Новое рассмотрение позиции Готье представляется потому важным, что он поднимает и пытается решить существенные вопросы, которые, возьмём характерный пример, совершенно игнорируются в таких в остальном интересных современных статьях, как те, что вошли в последний специальный выпуск журнала «Рациональность, рынки и мораль: исследования на стыке философии и экономики», посвященного вопросу: «Могла ли невидимая рука подписать общественный договор?»³.

Готье утверждает, что его теория общественного договора – «единственно возможная для людей, которые могут и не ожидать, и

² Готье впервые сформулировал свое видение теории общественного договора в работе: *Gauthier D. Morals by Agreement*. Oxford, 1986; эта версия критически рассмотрена в сборнике: *Vallentyne P. (Ed.) Contractarianism and Rational Choice. Essays on David Gauthier's „Morals by Agreement“*. Cambridge, 1991; см. тж. *Morris C., Ripstein A. (Eds.) Practical Rationality and Preference. Essays for David Gauthier*. Cambridge, 2001. На немецком языке взгляды Готье кратко изложены в работе *Gauthier D. „Warum Kontraktualismus?“ // Celikates R, Gosepath S. (Hgg.) Philosophie der Moral*. Frankfurt am Main, 2009. S. 464–477.

³ См.: *Rationality, Markets and Morals: Studies at the Intersection of Philosophy and Economics*. Vol. 4. 2013, а также *Stemmer P. Handeln zugunsten anderer: eine moralphilosophische Untersuchung*. Berlin, 2000, *Stemmer P. Handeln zugunsten anderer: eine moralphilosophische Untersuchung*. Berlin, 2000 и *Stemmer P. Moralische Rechte als soziale Artefakte // Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 2002. 50. P. 673–691; *Höffe O. Gerechtigkeit als Tausch? Zum politischen Projekt der Moderne*. Baden-Baden, 1991 и *Höffe O. Vernunft und Recht – Bausteine zu einem interkulturellen Rechtsdiskurs*. Frankfurt am Main, 1996.

не требовать, чтобы окружающие разделяли их отношение к ценностям и нормам»⁴.

Согласно теории общественного договора Готье, социальные институты и практики оправданы только контрафактическими, гипотетическими соглашениями между независимыми друг от друга актерами, которые рационально оценивают условия своего взаимодействия, и одобряют и принимают соглашения только тогда, когда считают их для себя имеющими смысл⁵. При этом Готье подчеркивает, что его попытка оправдания относится только к социальным принципам и практикам, что связать его оправдательную модель договора с различными недоговорными социальными взаимодействиями проблематично⁶ и что его модель не обязательно предполагает, чтобы легитимное социальное насилие возникало только в силу переноса нормативных ресурсов оправдания индивида на социальные верхи⁷, как это происходит у Гоббса⁸. Фокусируя внимание на оправдании, Готье исправляет свою более раннюю договорную модель общества, не учитывавшую разницу между оправданием и определением⁹.

В своей теории общественного договора Готье формулирует несколько очень строгих требований к обществу, которое способно оправдывать и потому может быть узаконено. Его теория запрещает действия, которые как правило наносят ущерб одним к выгоде для других; тем самым она исключает жизненные проекты злоумышленников и преступников¹⁰. Соответственно, договор, создающий условия для оправдания, требует, чтобы «[...] действительная социальная структура была [...] взаимовыгодна [и обеспечивала] всем относительное равенство в пропорции выгоды и вклада, который каждый решит внести»¹¹.

⁴ *Gauthier D.* Political Contractarianism // Journal of Political Philosophy. 1997. 5(2). P. 132; ср. p. 133, 142.

⁵ См.: Political Contractarianism. P. 132, 133, 142.

⁶ См.: Political Contractarianism. P. 141.

⁷ См.: Political Contractarianism. P. 142.

⁸ Ср. *Gauthier D.* The Logic of Leviathan: The Moral and Political Theory of Thomas Hobbes. Oxford, 1969.

⁹ См.: *Gauthier D.* Political Contractarianism. P. 141–142.

¹⁰ См.: Political Contractarianism. P. 136–137.

¹¹ Political Contractarianism. P. 140.

Кроме того, Готье признает, что «социальные нормы [...] порождают практики, которые расширяют горизонт целей»¹².

Из этого следует, что «доступность жизненных проектов актору [...] зависит от социальных практик его общества»¹³.

Кроме того, из этого следует:

«Контрактарианец полагает [...], что социальные практики можно оправдать [...], показав, как они дают возможность и содействуют формированию жизненных проектов, перспективу удовлетворительного осуществления которых предлагают»¹⁴.

На мой взгляд, Готье прав, что устанавливает здесь такие рамки. Но в соответствии с его собственным требованием (см. первую цитату) возникает вопрос, могут ли эти рамки быть действительно оправданы только согласованием общественного договора, если их оправдание вообще возможно.

Готье заостряет тот способ оправдания, который развивает его теория общественного договора, а именно «контрактаризм», сравнением с «контрактуализмом» Томаса Скэнлона. Согласно последнему, основой морали служит потребность каждого человека в оправдании своих действий перед другими людьми. В его модели «контрактаризма», напротив, другие должны оправдывать свои действия перед человеком, поскольку они затрагивают или ограничивают его деятельность¹⁵. Этот контраст Готье формулирует следующим образом:

«[...] согласно [контрактуалистскому] взгляду Скэнлона, направление оправдания – от индивида к другим. Роль соглашения заключается в признании другими действий индивида. Но в контрактаризме, которого я придерживаюсь, направление оправдания обратное. Исхо-

¹² Political Contractarianism. P. 138.

¹³ *Gauthier D.* Political Contractarianism.

¹⁴ *Gauthier D.* Political Contractarianism. Это положение Готье далее поясняет следующим образом: «Общество должно обладать такой структурой, чтобы, во-первых, каждому нормальному человеку был действительно доступен спектр социальных ролей, каждая из которых требует от своего исполнителя продуктивного вклада и вознаграждает его соответственно среднему вкладу в общий социальный продукт. Во-вторых, каждая из этих ролей должна быть совместима с набором жизненных проектов, каждый из которых при нормальных обстоятельствах исполнитель роли может быть выбрать и к собственному удовлетворению осуществить, получив при этом ту долю общего социального продукта как вознаграждение за действительное исполнение роли» (Ibid. P. 139).

¹⁵ См.: Political Contractarianism. P. 134-135.

дя из идеи рационального актора, контрактарианец не находит оснований утверждать моральную необходимость во имя оправдания действий одного субъекта перед другими. Договор существует в силу потребности каждого субъекта в том, чтобы ограничения общества были оправданы перед ним, а не его заботы об оправдания собственных действий перед другими»¹⁶. Согласование договора относится только к произвольным, т. е. «опциональным» социальным практикам или институтам, которые по желанию его принимают или отклоняют. Если согласование договора – единственное и достаточное оправдание общественных принципов, практик и институтов, то они должны были бы также быть произвольными, чтобы считаться подходящими «опциями» – т. е. предметами – произвольного согласования договора. Тем самым Готье признает: его теория общественного договора прямо противоречит мысли Канта о том, что мы должны действовать согласно категорическому императиву, хотим мы того или нет.¹⁷

Стремление Готье разработать метод определения и оправдания принципов справедливости без обращения к распространенным нормативным установкам имеет решающее значение для установления отношений в условиях культурного многообразия сегодня, как учение о естественном праве - в подобных же условиях раннего Нового времени.¹⁸ Готье прав также и в следующем: определение и оправдание легитимных социальных принципов должно показывать, что для каждого человека разумно действовать в соответствии с такими принципами и почему это разумно. Для выполнения этого требования необходим моральный конструктивизм, поскольку только он обходится без предпосылки, что такие принципы существуют, и без их определения. Ибо принятие данной предпосылки теми, кто оспаривает, отвергает или даже опровергает ранее предпочтённые принципы, неизбежно ведет к *petitio principii*. Главный вопрос теории общественного договора, как его видит Готье, – является ли контрафактическое, гипотетическое согласование договора единственным и достаточным

¹⁶ Political Contractarianism.

¹⁷ См.: Political Contractarianism. P. 143. То же верно и в отношении утилитаризма, что, однако, не имеет отношения к настоящей статье.

¹⁸ Независимо от того, в чём выражался этот «мультикультурализм»: политически непримиримых расколах христианства или международной торговле, в особенности морской; см.: *Schneewind J. History of Western Ethics. Seventeenth and Eighteenth Centuries // Becker L.C., Becker C.B. (eds.) The Encyclopedia of Ethics. 2nd ed. London, 2001. Vol. 2. P. 730–739. P. 730.*

основанием определения и оправдания базовых социальных норм или принципов. Ниже я пытаюсь показать, что Кант прав в том, что теория общественного договора столь радикальная, как у Готье, не дает единственного и удовлетворительного нормативного основания морали, и что учение Канта о естественном праве, которое тоже предлагает радикальный моральный конструктивизм, намного легче защитить, чем теорию общественного договора Готье. При этом я показываю, что Готье не прав в оценке своей формы морального конструктивизма как единственной надежной¹⁹. В частности, я буду рассматривать следующие вопросы:

1. Являются ли социальные практики и институты, основополагающие для общества, произвольными, или «опциональными», и тем самым подходящими предметами произвольного согласования договора, как того требует теория общественного договора Готье (§ 2);
2. Обходит ли теория общественного договора Готье проблему «релевантного описания действий» (§ 3);
3. Необходимо ли, чтобы причины оправдания базовых социальных норм подтверждались согласованием договора (§§ 4, 6);
4. Надежны ли асимметричные направления оправдания, которые предпочитают соответственно Готье и Скэнлон (§ 5).

§ 2. Все ли основополагающие социальные практики и институты произвольны («опциональны»)?

Первая проблема теории общественного договора Готье заключается в том, что его модель оправдания морали предполагает рамочные отношения социального договора, которые сами не произвольны или не опциональны, а потому не могут необходимо оправдать какого-либо образцового договора. Проблему можно разъяснить на примере признания, которое Готье делает в одной из своих предыдущих книг – «Морали по соглашению» (1986). В ней он утверждает: ключевое условие, что «запрещает улучшение собственного положения посредством взаимодействия, ухудшающего положение другого», неопционально²⁰; и добавляет: «Часть морали по соглашению, само оно не есть продукт рационального соглашения» (там же). Но именно этот тезис о неопциональности данного ключевого условия явным

¹⁹ См.: *Political Contractarianism*. P. 132, 133, 142.

²⁰ *Gauthier D. Morals by Agreement*. Oxford, 1986. P. 16.

образом говорит о невозможности его оправдания согласованием какого-либо договора, поскольку оно «является условием, которое каждый должен принять, чтобы такое соглашение было возможно» (там же). Готье пытается показать, что «[...] принятие данного условия рационально для тех, кто ориентирован на максимальную пользу»²¹. Но его аргументация неизбежно приводит к обоснованию тезиса о том, что разумно утверждать необходимость принятия ключевого условия. Следовательно, оправдание этого условия не требует его принятия, что зависит от произволения индивида, и всего меньше – от согласования какого-либо договора.

Это видно по контрасту с тем анализом правил справедливости, которые даёт Юм в «Трактате о человеческой природе», - они, по его мнению, для людей не опциональны.²²

Теперь мы снова сосредоточим внимание на более поздней модели оправдания у Готье (изложенной в работе 1997 года). Эта модель также предполагает существование рамочных отношений, произвольных и не могущих быть оправданными согласованием какого-либо договора. Общественный договор как модель оправдания доступен только тем акторам и может обращаться только к тем, кто может считаться рациональным мыслителем, или «делибератором». Как признает сам Готье, люди становятся акторами, способными к рациональной оценке, только будучи воспитанными в экономически и эмоционально безопасном окружении. Он пишет:

«[...] воспитание в экономической и эмоциональной безопасности и стабильности – основное требование, закрепленное (enshrined) общественным договором [...]»²³.

Тем самым Готье также признает, что здесь заключается оправданное основополагающее требование к родителям и обществу²⁴. Слово «enshrined», которое означает как «закрепленное», так и «включенное», привносит важный двойной смысл. Без такого воспитания, которое сделает человека вообще способным к рациональному размышлению, он не может сознательно предлагать, взвешивать,

²¹ *Gauthier D. Morals by Agreement. P. 193, cp. p. 200–232.*

²² См.: *Westphal K. Von der Konvention zur Sittlichkeit. Humes Begründung einer Rechtsethik aus nach-Kantischer Perspektive // Heidemann D., Engelhardt K. (Hgg.) Ethikbegründungen Zwischen Universalismus und Relativismus. Berlin, 2005. S. 153–180.*

²³ *Gauthier D. Political Contractarianism. P. 146.*

²⁴ См.: *Gauthier D. Political Contractarianism.*

оценивать или в рамках закона согласовывать формы или принципы действия, как того требует договорная модель оправдания моральных принципов и практик, которая только и служит основанием социальных и моральных обязанностей или притязаний. То есть договорное оправдание предполагает такое воспитание, которое необходимо для оценки, обсуждения и ответственного принятия преимуществ и недостатков согласования какого-либо договора.²⁵ Поэтому для лица, потенциального соглашающегося или принимающего договор, то есть стороны договора, никоим образом не является произвольным, или опциональным, получил он такое воспитание или нет. Следовательно, эта предпосылка не может быть предметом случайного согласования договора. Ведь в действительности никто не может отказаться от собственного воспитания, как если бы оно было дано по договору. Чтобы понимать соответствующие делу социальные или даже несоциальные альтернативы, чтобы быть способным их принимать или отклонять, человеку заведомо необходима определенная зрелость ума и знаний; поэтому такая зрелость также никоим образом не является «опциональной» для потенциального участника общественного договора.

Недостаточно будет возразить, что собственное воспитание всегда определено какими-либо историческими и социальными жизненными условиями, которые предшествовали гипотетическому согласованию договора²⁶. Готье ясно утверждает, что его договорная модель оправдания морали в социальных практиках и деятельности институтов, которая в свою очередь оправдывает его версию общественного договора, есть работающая модель, и потому придает ей центральное значение²⁷. Именно потому, что, по мнению Готье, в таком обществе моральное оправдание уже в силу согласования договора обретает центральное значение, получение или неполучение воспитания членами договорного общества в этой теории также не произвольно. Как и понимание его членами себя как членов общества, наделенных свободой воли и участвующих во взаимовыгодных общественных практиках.

²⁵ Об этом Готье пишет: «Было бы бессмысленно дать индивиду возможности вести продуктивную и доставляющую ему удовлетворение жизнь, если бы он не был способен пользоваться этими возможностями из потребности в реализации навыков и развитии чувств» (Political Contractarianism. P. 148).

²⁶ Ср. Political Contractarianism. P. 133.

²⁷ Ср. Political Contractarianism. P. 140.

По достижении уровня, на котором можно рационально и разумно оценивать различные возможные, выполнимые варианты согласования договора и при этом, пусть контрафактически, размышлять, выгодно ли быть членом такого общества, человек, по Готье, уже приобрел от этого общества колоссальную выгоду, сам не внося никакого особого вклада²⁸. Принципы общественного договора Готье требуют, чтобы, получив пользу от другого, человек также приносил другому пользу, и примерно такую же по её ценности²⁹. При этом, согласно предлагаемому принципу обмена, каждый, кто достигает зрелости для согласования договора, обязан сбалансировать преимущества, уже полученные им от общества, с преимуществами других, независимо от того, «считает ли он общество ценным»³⁰ или нет и считает ли он вступление в общество выгодным или нет. В этом решающем отношении контрафактическое согласование договора может подтверждать лишь основания обязательств, уже оправданные воспитанием, которое дал один человек другому. При этом по сути признаётся только основополагающая важность воспитания индивида, без которого невозможно быть существом, наделенным разумом, а также ответственность и обязанность индивида взаимовыгодно компенсировать это колоссальное преимущество своим вкладом в общество. Поэтому тяжело разобраться в том, что именно добавляет это чисто контрафактическое, чисто гипотетическое согласование договора к оправданию того обязательства, которое уже оправдано выгодой образования и возложено на каждого³¹, согласно предложенному Готье принципу взаимности, лежащему в основе каждого законного совместного действия,

Этот пункт заслуживает более пристального рассмотрения. Готье признает, что у человека, который не придает значения членству в обществе, поскольку не видит «выгоды (value) от общества», «[...] нет оснований соглашаться на его условия взаимодействия»³².

Но даже если человек не усматривает собственных общественных обязанностей или даже отрицает их, это не меняет, согласно принципу взаимности договора, того, что он имеет соответствующие обязанности. Их он имеет уже потому, что ещё раньше получил значитель-

²⁸ См.: Political Contractarianism. P. 146.

²⁹ См.: Political Contractarianism. P. 140.

³⁰ Political Contractarianism. P. 140.

³¹ Cp. Becker L. Reciprocity. Chicago, 1986.

³² Gauthier D. Political Contractarianism. P. 135.

ную выгоду от общества - при условии (и здесь я согласен с Готье), что это общество в достаточной мере соответствует принципам справедливости договорных обществ (см. § 3).

Это возражение подчеркивает разницу между чисто гипотетическим согласованием общественного договора и нашими собственными общественными обязанностями и правами, фактическими причинами оправдания этих отношений, т. е. вменения их в обязанность. Как подчеркивает Готье, его метод общественного договора обосновывает действительные обязанности и права только в обществе, отвечающем строгим, прямо-таки «революционным»³³ рамочным условиям справедливости, которые кратко описаны выше (§ 1) и в следующем разделе будут рассмотрены подробнее (§ 3).

Итог: Модель общественного договора Готье, способная учесть только те причины оправдания, которые акторы действительно оценивают или могут оценить, не может быть ни единственным, ни достаточным методом морального оправдания, поскольку, согласно этой модели, необходимые рамочные условия способности к разумному соглашению не являются предметом произвольного решения той или иной стороны договора. Согласование договора, по которому человек принимает на себя обязательства или может предъявить права, уже имеет предпосылкой рамочные условия собственного воспитания вместо оправдания этого воспитания каким угодно произвольным договором. Даже в уточненной версии теории общественного договора Готье продолжает отрицать невозможность оправдания воспитания и образования, которое начинается в семье (в любой форме) и продолжается благодаря институтам общества.

§ 3. Контрактаризм и релевантное описание действий

Рассмотренная в предыдущем параграфе проблема – это прежде всего важный вариант проблемы релевантного описания действий. Вкратце, она состоит в утверждении о зависимости оценки действия от его описания или концептуализации. Стратегия оправдания у Готье требует во многих решающих моментах, чтобы мы правильно концептуализировали себя и наше общество. Так, мы должны признать, что нам как людям необходимо определенное воспитание, что-

³³ *Gauthier D. Political Contractarianism. P. 148.*

бы вообще обладать способностью обдумывать и с законной силой заключать договоры. Кроме того, мы должны признавать, что ввиду конечности человеческого существования взаимовыгодное сотрудничество значительно улучшает нашу жизнь (или хотя бы делает такое улучшение возможным). Кроме того, на основе модели оправдания Готье выдвигает требование, чтобы общество было и признавалось совместным взаимовыгодным творением, выгода от которого и вклад в который относительно равномерно («пропорционально») распределены между его участниками³⁴, – творением, в соответствии с которым также предлагается на выбор ряд способов жизни, коим человек с большим или меньшим успехом и удовлетворением может следовать³⁵. Чтобы оправдать членство в обществе, по мнению Готье, совершенно недостаточно, чтобы кто-либо считал его истинным, – «каждый должен быть и источником, и приобретателем блага»³⁶ общества.

Правильность или истинность концепций, то есть нашего описания самих себя, как и описания общества, играет основополагающую роль, поднимая два важных вопроса, которые в первом параграфе я выделил как второй и третий основные вопросы; теперь сформулирую их точнее:

2. Как модель общественного договора у Готье гарантирует правильность и релевантность относящихся к общественному договору размышлений и концепций – т. е. описаний – и соответственно исправление неправильных или ошибочных концепции?

3. Оправданы ли базовые социальные нормы согласованием договора или скорее уже теми факторами и их следствиями, которые говорят в пользу такого соглашения, в то время как само соглашение моделирует только наше понимание и признание причин оправдания?

На оба вопроса имеет смысл ответить именно в представленной последовательности.

В основе теорий общественного договора вообще, в том числе теории Готье, лежит та мысль, что общество, в числе прочего, есть «совместное взаимовыгодное предприятие, связанное с риском».³⁷ Проблема релевантного описания действий возникает в контракта-

³⁴ См.: Political Contractarianism. P. 135, 140. Cp. P. 148.

³⁵ Political Contractarianism. P. 139–140.

³⁶ Political Contractarianism. P. 135.

³⁷ В этой связи Готье упоминает Роулза (См.: Ibid.)

ризме Готье в связи со следующим допущением: «Тот, кто не видит выгоды общества, не имеет оснований соглашаться на его условия взаимодействия. Тот, кто не принес выгоды другим, не дает им оснований, чтобы на него распространялись условия общественного взаимодействия. Каждому должна быть предоставлена возможность получить от общества то, чего он ищет, но не может добиться самостоятельно, и каждый должен дать обществу что-то из того, чего ищут другие, но чего не было бы без него. Или, проще, каждый должен быть [*sic*] и источником, и приобретателем блага»³⁸.

Проблема в том, что согласование договоров может опираться только на такие размышления или причин оправдания, которые люди действительно и явно используют или приводят, поскольку свободное решение может быть опираться только на такие основания, которые соответствующая личность фактически оценивает как возможные, релевантные или в конечном счете рассматривает в качестве основ для оправдания (принимая или отвергая их). Иными словами, для модели общественного договора релевантен не только вопрос о том, *действительно ли* эта личность одновременно и источник, и приобретатель блага (причём обязательно с взаимной поддержкой членов общества), но и убеждена ли потенциальная сторона общественного договора в том, что другой вносит достаточный вклад в творение собственного блага. Готье прав в том, что «[...] тот, кто не видит выгоды от общества, не имеет оснований соглашаться на его условия взаимодействия [...]»³⁹.

Но главный вопрос нормативности не в том, *видит* ли человек выгоду от своей принадлежности к обществу: ввиду конечности человеческого существования на Земле вопрос скорее в том, *должен* ли человек искать выгоду от своей принадлежности к обществу. Вопрос не в том, *признает* ли человек наличие достаточных оснований для (достаточно) справедливого общественного взаимодействия, но в первую очередь в том, *есть* ли такие достаточные основания его оправдания. Если они есть, важно привести потенциальные стороны общественного договора к пониманию и принятию этих оснований и их следствий. Поскольку теория общественного договора Готье опирается исключительно на явные, пусть и контрафактические, соглашения и концептуализирует все основополагающие социальные

³⁸ Political Contractarianism, cp. p. 148.

³⁹ Political Contractarianism. P. 135.

практики и институты как произвольно принимаемые или отклоняемые, она пренебрегает важной задачей – исключить непонимание потенциальными сторонами общественного договора собственной зависимости от общества и вытекающих из нее оснований обязанностей и самих обязанностей. И теория Готье такова, что не может не пренебрегать этой задачей: если бы он действительно хотел ее решить, он не настаивал бы на якобы исключительной функции согласования договора, будто бы только она способна дать оправдание основных принципов и практик общества, поскольку оправдание, конечно, опирается на основания, которые говорят в пользу общественного договора и его заключения, но это только контрафактическое, гипотетическое соглашение как таковое.

«Проблема релевантного описания действия» связана здесь не с тем, как актер (возможно ошибочно) концептуализирует или (возможно ошибочно) описывает то или иное взвешенное действие, но с тем, как человек (возможно ошибочно) описывает всю область общественного взаимодействия, собственные возможности действия и собственные взгляды на ее преимущества и недостатки. Основная проблема радикальной теории общественного договора Готье в том, что она концептуализирует всю область общественного взаимодействия как произвольную и чисто «опциональную», а людей как принципиально самодостаточных и тем самым независимых друг от друга и от общества (подробнее см. далее § 4). Основопологающий тезис Готье, согласно которому радикальная теория общественного договора служит единственной и единственно достаточной причиной оправдания нормативной теории общества, покоится на том утверждении, что единственная причина такого оправдания – это та, которую человек явно принимает. Поэтому его теория должна принципиально игнорировать возможность исправления относящегося сюда непонимания, возникающего, например, у того, кто не видит выгоды в принадлежности к обществу или отрицает ее (к этому я вернусь в § 5). В этом заключается основная слабость теорий общественного договора: Они не в состоянии быть адресованы тем людям, которые игнорируют или даже (возможно, по стратегическим мотивам ради достижения соглашения) отрицают важные стороны общества или собственную способность к действию и возможности действия, поскольку могут опираться только на те причины оправдания, которые потенциальные стороны общественного договора действительно оценивают (даже если эти основы совершенно их не касаются). Поэтому теории обще-

ственного договора не имеют значения для равноправных, т. е. эгоистичных людей, которые относятся к теории общества как скептики относятся к теории познания.⁴⁰

Как только начинают учитывать возможность улучшить или скорректировать понимание человеком общества или собственных возможностей действия, радикальная модель нормативного оправдания общественного договора вызывает серьезные сомнения. Поскольку размышления, которые приводят к такой коррекции, могут также служить или даже быть достаточными для определения и оправдания базовых социальных норм и практик, независимо от того, принимает ли их тот или иной человек или одобряет через чисто контрафактическое соглашение. Иными словами: если можно было бы

⁴⁰ Внимание Готье к основам оправдания, которые признает потенциальная сторона договора, вызвано прежде всего тем, что он пытается избежать любой формы объективности ценностей. Главным аргументом является его утверждение, что действия индивида можно объяснить только его субъективными ценностями (см.: *Gauthier D. Morals by Agreement*. P. 56–59). Но этот аргумент ошибочен как минимум по трем причинам: Во-первых, задача философии морали заключается не только в объяснении индивидуальных действий, но и в их нормативной оценке. Поэтому, ограничиваясь объяснением действия, Готье не выполняет задачи нормативной социальной теории, какой должна быть его теория. Во-вторых, объяснение действия требует учета не только субъективных ценностей самого актора. Выполнение действия часто бывает сложным, протяженным в пространстве и времени и осуществляется в несколько шагов. И при наилучших прогнозах действия часто не удаются, потому что тот или иной из шагов не удастся и человеку необходимо либо пересмотреть дальнейшие шаги или вовсе отказаться от осуществления действия. Чтобы объяснить такую точку зрения на действия, необходимо обосновать не только субъективное представление о плане действия, ожиданиях и опыте актора, но и дальнейшую оценку и пересмотр им собственного плана. В этом отношении уместность действия зависит не только от того, считает ли актер его хорошим, но и от того, соответствует ли оно и насколько соответствует физическому, социальному и нормативному окружению актора, а также от того, какие возможности действия это окружение предоставляет и позволяет (ср. *Herman B. The Practice of Moral Judgment*. Cambridge, MA, 1993. P. 173–177). В третьих, в общественных науках объяснение действия по «модели желания и убеждения» нацелена на понимание общих действий группы. Данная модель непригодна для непосредственного объяснения действий отдельных людей. Даже когда люди действуют целесообразно, это совершенно не значит или не доказывает, что человек может действовать только целесообразно, и тем более, что они должны только так и действовать (ср. *Westphal K. Kant's Constructivism and Rational Justification* // Baiasu S., Pihlström S., Williams H. (Eds.). *Politics and Metaphysics in Kant*. Cardiff, 2011. P. 28–46, n. 24).

привести релевантные, возможно даже достаточные, но независимые от явного одобрения причины оправдания базовых социальных норм и институтов, это доказало бы, что контрафактическое согласование общественного договора здесь не релевантно. Именно это и пытается сделать Кант. В следующем параграфе я постараюсь показать, что он прав. Сделанное выше замечание о подобии эгоизма скептицизму попадает в самую точку: как эмпирический, так моральный скептицизм во многом основаны на предпосылке интернализма оправдания, то есть на тезисе о том, что рациональное оправдание притязания исчерпывается его оправданием перед человеком и может опираться только на те причины оправдания, которые этот человек явно признает. Как будет показано ниже, теория морали Канта справедливо отвергает именно этот интернализм оправдания.

§ 4. Моральный конструктивизм Канта, свободный от общественного договора

Кант разрабатывает в своём учении о праве конструктивистскую теорию естественного права, которая явно идеализирует общественный договор тем, что отрицает определяющую роль предположительно контрафактического соглашения в определении, соответственно, оправдании базовых социальных норм и институтов. Контрафактическое соглашение потому не играет у Канта никакой роли, что целью его оправдания служит раскрытие тех основополагающих социальных форм и институтов, которые являются необходимыми (то есть не произвольными, не «опциональными») для нас, людей, и именно по этой причине должны быть исполнимыми, оправданными и принимаемыми. Я рассматриваю здесь только один, но показательный аспект его анализа, а именно анализ права владения.

Кант признает, что в области права владения конститутивные принципы не являются просто аналитически истинными суждениями и что нормативные суждения не могут быть доказаны или оправданы эмпирически. Поэтому данные принципы попадают в фокус его критической философии, цель которой – *априорное* оправдание синтетических суждений.⁴¹ Для осуществления этой цели, Кант разрабатыва-

⁴¹ Как отмечает Кант, главная задача его критической философии состоит в том, чтобы показать, «[к]ак [...] возможны синтетические правовые суждения априори (в рассмотрении предметов опыта [...])», *Kant I. Vorarbeiten zu „Die Metaphysik der Sitten Erster Teil“*. *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*

ет в «Метафизике нравов» основные принципы человеческих обязанностей и прав, связывая чисто *априорный* нормативный принцип с человеческой природой посредством особой «моральной антропологии»⁴². Этот базовый нормативный принцип является всеобщим принципом права; он гласит:

«Правым является любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произволения каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом»⁴³.

Этот принцип, как я в одной из своих работ утверждал, соглашаясь с Онорой О'Нил, конструктивистское обязательное условие рационального оправдания не только формального, но и субстантивно-го оправдания: Принцип или действие может только тогда быть законными, когда есть достаточные причины его оправдания, которые могут быть обращены ко всем заинтересованным людям⁴⁴. (Следует учесть, что обращенность причин оправдания ко всем заинтересованным не означает, что они принимают или одобряют эти причины.)⁴⁵

// Kant's gesammelte Schriften. Bd. XVIII. Berlin, 1955. S. 302. Представленный здесь набросок опирается на обстоятельные исследования (см.: Westphal K. Do Kant's Principles Justify Property or Usufruct? // Jahrbuch für Recht und Ethik/Annual Review of Law and Ethics. 1997. 5. P. 141–194; Westphal K. A Kantian Justification of Possession // Timmons M. (ed.). Kant's Metaphysics of Ethics: Interpretive Essays. New York, 2002. P. 89–1096.), в которых я, в числе прочего, объясняю, почему занимаюсь правами владения, а не правами собственности. Недавно Бирд и Грушка (Byrd B., Hruschka J. Der ursprüngliche und a priori vereinigte Wille und seine Konsequenzen in Kants Rechtslehre // Jahrbuch für Recht Und Ethik. 2006. 14.) попытались реконструировать анализ Канта, обходя выявленные мной проблемы (см.: Westphal K. Consciousness and its Transcendental Conditions: Kant's Anti-Cartesian Revolt // Lähteenmäki & Remes Heinämaa (ed.). Consciousness: From Perception to Reflection in the History of Philosophy. Springer, 2007). Однако их ясный анализ, как мне кажется, скорее их повторяет.

⁴² Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. Т. 5. М., 2014. С. 51.

⁴³ Кант И. Введение в учение о праве // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. С. 89.

⁴⁴ См.: Westphal K. Do Kant's Principles Justify Property or Usufruct? // Jahrbuch für Recht und Ethik/Annual Review of Law and Ethics. 1997. 5. P. 141–194; Westphal K. Objektive Gültigkeit zwischen Gegebenem und Gemachtem. Hegels kantischer Konstruktivismus in der praktischen Philosophie // Jahrbuch für Recht und Ethik/Annual Review of Law and Ethics. 2003. 11. P. 177–98; Westphal K. Urteils-kraft, gegenseitige Anerkennung und rationale Rechtfertigung // Klein H.D. (Hg.) Praktische Philosophie als prima philosophia. Würzburg, 2011. S. 171–193.

⁴⁵ Отрицание объективно достаточных оснований доказательства поднимает

В «Метафизике нравов» Кант связывает всеобщий принцип права с человеческим состоянием (*conditio humana*), в т. ч. с базовыми аспектами человеческого существа и контекстов его действия на Земле, и основывает на этом принцип гипотетического императива:

«Кто хочет цели, тот хочет (поскольку разум имеет решающее влияние на его действия) также и совершенно необходимого для нее средства, которое находится в его власти».⁴⁶

Данный принцип целесообразного действия вводит ограничение – рациональное желание конечных целей. Для права владения важны следующие «морально-антропологические факты:

1. Мы, люди, не можем желать достижения цели просто так, из ничего.

2. Независимо от того, идет речь об основных потребностях или произвольных желаниях, наши цели сложны, имеют временную протяженность и более-менее связаны друг с другом.

3. Мы населяем Землю, площадь ее поверхности конечна, то есть имеет пространственные границы.

4. Во многих регионах плотность населения настолько велика, что человеку невозможно избежать отношений с другими⁴⁷.

Из первого пункта, невозможности желать достижения цели просто так, из ничего, следует, что для того, чтобы вообще иметь возможность целесообразного действия, мы всегда должны пользоваться доступными материалами – к ним относятся как минимум воздух, вода, продукты питания и площадь действия, а также необходимые для самосохранения одежда, кров и инструменты.

Из второго пункта, сложности, временной протяженности и относительной связанности наших целей друг с другом, следует, что никто не может одновременно пользоваться или обладать всеми средствами, необходимыми для самосохранения. Человеческая жизнь тре-

проблемы, которые могут быть решены только путем анализа возможности конструктивной самокритики и конструктивной взаимной критики, подобного тому, который осуществляет Гегель в «Феноменологии духа». См.: *Westphal K. Hegel's Epistemological Realism*. Dordrecht, 1989; *Westphal K. Kant's Constructivism and Rational Justification* // Baiasu S., Pihlström S., Williams H. (Eds.). *Politics and Metaphysics in Kant*. Cardiff, 2011. P. 28–46.

⁴⁶ *Кант И.* Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 3. М., 1997. С. 131.

⁴⁷ См.: *Кант И.* Введение в учение о праве. §§ 8,9, 13,42. С. 149–156, 169–171, 197–199.

бует возможности регулярного и надежного использования материалов, не все из которых могут быть одновременно доступны человеку.⁴⁸

Если мы не можем полагаться на доступность материалов, в которых мы обычно нуждаемся и которые используем, но которых не требуем в определенное время *B* для действия *D*, то мы можем не осуществить и прочих действий, а так же нужного действия в других случаях.

Из третьего и четвертого пунктов следует, что мы пользуемся материалами в условиях их относительной ограниченности, поэтому наши собственные действия неизбежно нарушают возможности действий других. Как Юм, Кант признает, что такова в сущности область действия социальных и политических принципов и практик справедливости.

Из всех четырех фактов следует, что для нас, смертных людей, необходимы права владения и законное владение определенными материалами. Согласно принципу гипотетического императива, мы вынуждены желать владения по меньшей мере некоторыми из этих материалов, даже когда они физически нам недоступны в определенный момент времени. Кроме того, мы также должны желать минимальных достаточных условий нефизического владения ими, а также их присвоения и сохранения. То есть проблема, которую необходимо решить, имеет три части: Во-первых, чтобы иметь возможность действия, мы должны пользоваться определенными материалами, но их использованием мы ограничиваем возможности других к действию. Во-вторых, невозможно оправдать одностороннего возложения обязанностей на других или одностороннего же ограничения возможностей других к действию, уже потому, что это противоречит всеобщему принципу права. Наконец, «владение» материалами, которые физически недоступны в определенный момент времени, возможно, если другие признают и уважают наши претензии на владение. Вся «соль» владения как раз в том, что мы с его помощью согласовываем наши действия и, насколько это возможно, избегаем взаимного вреда, в том числе в определении того, какими материалами мы сами пользуемся и как мы ими пользуемся. То есть для Канта главным является

⁴⁸ Канту это было ясно. См.: *Kant I. Vorarbeiten zu „Die Metaphysik der Sitten Erster Teil“*. S. 230–231.

вопрос, при каких условиях овладение и использование материалов, если вообще, возможно и законно.⁴⁹

Кант утверждает «правовой постулат практического разума», согласно которому возможность владения вещью дает нам право обязывать других к уважению нашего владения, и это обязательство возлагается на других тем, что мы чем-то овладеваем.⁵⁰ Верно ли это? Кажется, что первое вступление во владение в одностороннем порядке возлагает на другого человека обязанность. Однако это противоречит единственному врожденному праву, праву на свободу, поскольку эта свобода включает также независимость каждого человека от принуждающего произвола другого. Анализ Канта показывает, что первое вступление во владение не ведет к одностороннему возложению обязанностей. Как Руссо, Кант недвусмысленно подчеркивает, что врожденное право на свободу действий также означает «независимость от принуждающего произволения другого»⁵¹, поскольку она «совместима со свободой каждого другого, сообразной со всеобщим законом»; «право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду» – действовать свободно – подразумевает также и «прирожденное равенство», «т. е. независимость, состоящую в том, другие не могут обязать кого-либо к большему, чем то, к чему он со своей стороны может их обязать»⁵². Центральным тезисом критической метафизики Канта является признание других людей конечными разумными существами нашего рода.⁵³ Как конеч-

⁴⁹ Какими благами и в каком количестве разрешено владеть человеку, определено в числе прочего географическими и социальными условиями, которые необходимо изучить в случае каждого общества. Главный вопрос здесь, однако в том, как могут, если вообще могут, быть оправданы права владения.

⁵⁰ Кант формулирует два различных «постулата» [правового] практического разума: (1) «Можно всякий внешний предмет моего произволения иметь в качестве Моего; это означает, что максима, согласно которой, если бы она была законом, какой-нибудь предмет произволения *сам по себе* (объективно) должен был бы стать *бесхозным* (*res nullius*), противна праву» (*Кант И.* Введение в учение о праве. С. 125); (2) «Правовая обязанность — поступать по отношению к другим так, чтобы внешнее (годное для употребления) могло стать для кого-то и Своим» (Там же. С. 141). О связи этих двух формул см.: *Westphal K. A Kantian Justification of Possession // Timmons M. (ed.). Kant's Metaphysics of Ethics: Interpretive Essays. New York, 2002. P. 92–106.*

⁵¹ О Руссо см.: *Westphal K. Natural Law, Social Contract & Moral Objectivity: Rousseau's Natural Law Constructivism // Jurisprudence. 2013. 4 (1). P. 48–75.*

⁵² *Кант И.* Введение в учение о праве. С. 107–109.

⁵³ *Кант И.* Введение в учение о праве. С. 247. Ср. *Кант И.* Критика чистого ра-

ные человеческие существа для достижения собственных целей мы должны неизбежно пользоваться окружающими нас материалами. Поскольку для всех людей действительно именно это принципиальное разрешение, вступить во владение окружающими материалами и использовать их, мы тем самым берем на себя обязательство уважать право владения других. То есть вступлением во владение мы можем возлагать на другого обязанность уважения нашего права владения, как мы возлагаем на себя обязанность уважать права владения других и, более того, признавать, что для всех людей как конечных разумных существ действуют одинаковые основания этой обязанности. Данное заключение можно доказать, как Кант, проверив ее на противоречивость, а именно – на противоречивость концепций, как я уже показывал ранее.⁵⁴

Кант доказал – я намеренно употребляю совершенный вид – взаимосвязь и единую основу наших прав владения и обязательства признавать и уважать права владения других, поскольку сущность владения заключается именно в том, чтобы согласовывать наши действия в условиях относительной ограниченности благ, которая означает, что вступление во владение затрагивает или, как говорит Кант, «умаляет внутреннее Мое»⁵⁵.

§ 5. Направление оправдания

Какое отношение имеет кантовский анализ к Готье? Готье мог бы возразить, что мое изложение кантовского метода оправдания, при котором основополагающим является оправдание собственных действий перед другими, в отличие от его теории, пользуется *petitio principii*. На это можно ответить, прежде всего, что теория общественного договора Готье никак не может избежать необходимости оправдания собственных действий перед другими.

Во-первых, как я уже объяснял в § 3, Готье подчеркивает, что только другие обязаны оправдывать свое поведение перед отдельным человеком, но тот человек, который достиг достаточной зрелости су-

зума. Второе издание // Кант И. Соч. на немецком и русском яз. Т. 2. М., 2006. С. 517; *Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Соч. на немецком и русском яз. Т. 4. М., 2001. С. 829–831; к обсуждению этих тезисов см.: Westphal (2012b), особенно § 4,2, и Kitcher (2013).

⁵⁴ См.: Westphal (1997, 2002), Rühl (2010), Horn (2014), 196–220.

⁵⁵ *Кант И.* Введение в учение о праве. С. 137 (das innere Meine... schmälere).

ждения, чтобы вообще дать оценку собственной принадлежности какому-либо обществу, но не видит «выгоды общества»⁵⁶ и поэтому отказывается от него, обязан – в соответствии с принципом обмена (компенсации преимущества собственного воспитания вкладом в общество) – оправдать собственный отказ перед другими.

Во-вторых, право владения, а с ним и право вступления во владение, служит основополагающим принципом общества. Требование Готье, что законное общество должно предлагать широкий выбор жизненных проектов с хорошими перспективами осуществления, непосредственно предполагает этот принцип; одновременно вступление во владение умаляет возможности других к действию только в условиях относительной ограниченности ресурсов. Относительная ограниченность благ уже давно и все еще является частью человеческого состояния; поэтому она имеет принципиальное значение для всех современных учений о естественном праве. Асимметричная, односторонняя задача оправдания, которую только и признает Готье, требует в свою очередь чисто гипотетического, совершенно контрафактического условия избытка благ, поскольку только при таком избытке вступление одного человека во владение не затрагивает возможностей других к действию или затрагивает их только в незначительной мере.⁵⁷ В этом отношении за абстрактностью анализа Готье скрывается фундаментальное и одновременно грубое упрощение модели оправдания.⁵⁸

⁵⁶ *Gauthier D. Political Contractarianism. P. 135.*

⁵⁷ Это соответствует тому условию Локка, что человек может, согласно естественному праву, присваивать естественные блага только при условии, что «достаточное количество и того же самого качества остается для общего пользования других» (*Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 277*), – условию, которое, в отличие от условия независимости собственных решений (произвола) у Руссо и Канта, действительно только для небольших обществ в дикой местности.

⁵⁸ К сожалению, это не исключение. В другом месте Готье пишет следующее: «... в технологически развитом контрактарианском обществе бедность может грозить человеку, только если он неспособен воспользоваться возможностью выбора продуктивного и удовлетворяющего жизненного проекта. Они не будут лишены этой возможности, как многие члены нашего общества сегодня» (*Political Contractarianism. P. 146–147*). Но Готье не объясняет, каким образом технологический прогресс приведет к правовому, который будет выполнять то, что Готье называет своим «революционным» требованием: способствовать успешному осуществлению индивидуальных жизненных проектов и препятствовать фактической недоступности этого осуществления для многих людей (см.: *Political Contractarianism. P. 148.*). Но таким образом теория общественно-

Вследствие этих двух причин на способных к суждению людей не действует требование оправдания, которое формулирует Готье⁵⁹: что только другие должны оправдывать свои действия перед отдельным человеком, особенно тогда, когда это затрагивает возможности этого человека к действию, и наоборот, отдельный человек не должен оправдывать свои действия перед другими. Утверждение такого асимметричного требования оправдания к сторонам общественного договора свидетельствует о существенном непонимании и вводит в заблуждение относительно обязательств по оправданию этих сторон, т. е. нас, как конечных разумных существ, и серьезно ошибается относительно человеческого состояния и искажает его понимание.

Как я уже отмечал в начале (§ 1), Готье противопоставил «направление оправдания» своей теории общественного договора тому утверждению Скэнлона, что каждый должен оправдывать собственное действие перед другими⁶⁰. Кантовское учение о праве объясняет, что оба направления ложные, потому что обязанность морального оправдания должна быть изначально взаимной, по крайней мере в отношении права владения. Вступление во владении чем-либо и сохранение во владении чего-либо требует не просто его использования или занятия (*innehaben*). Они требуют, чтобы другой признал и уважал владение как таковое, даже если человек на время откладывает соответствующий объект. Они требуют также, чтобы владелец в свою очередь признавал и уважал владение других, то есть чтобы каждый признавал, что собственное вступление во владение обязывает его признавать и уважать права владения других людей, как в принципе, так и на практике. Иными словами, собственное вступление каждого во владение, его действие – вступление во владение, а также использование и хранение того, чем он владеет – должно быть оправдано перед другими, и наоборот. Эта взаимность заключена в морали нор-

го договора Готье видит в основной проблеме справедливости распределения проблему технологическую и пренебрегает тем фактом, что дальнейший прогресс в производстве будет служить только тем, кто (по условию его теории общественного договора) уже и без договора извлекает выгоду от производящего общества. Хотелось бы, чтобы тот факт, что надежда Маркса на преодоление ограничений справедливого распределения ростом производства товаров не оправдалась, привел и теорию общественного договора Готье к большему реализму.

⁵⁹ См.: *Political Contractarianism*. P. 134–135.

⁶⁰ См.: *Political Contractarianism*. P. 134–135.

мального случая (Normalfall), поскольку мораль во многом имеет дело с принципами и основанными на них практиками социального взаимодействия в условиях относительной ограниченности ресурсов, высокой плотности населения и зависимости людей друг от друга. Так опровергается асимметрическая, односторонняя ориентация оправдания подобная той, что защищает Готье. И от вводящей в заблуждение абстрактности страдает не взгляд Канта, а взгляд Готье.⁶¹

Заключение

Перед теориями общественного договора как стратегиями оправдания стоит следующая дилемма: Как согласование договора легитимирует следующее из него соглашение? Закрепляет ли общественный договор только то, что уже по другим причинам оправдано как достойное согласования? Иллюстрирует ли он только понимание другой стороной договора таких причин оправдания и ее согласие с ними? Что именно добавляет обоюдное согласие как таковое к оправданию заключенного общественного договора? Если общественный договор не добавляет ничего определенного к определению или оправданию основополагающих моральных норм или практик, он остается только иллюстративным, простым символом, но не методом оправдания – именно потому, что сам не дает никакого оправдания. Если, однако, общественный договор не добавляет ничего к оправданию путем согласования, то он не может служить единственным и единственно достаточным основанием морального оправдания. Проблема релевантных описаний (§§ 3–5) и обращение Готье к принципам и пред-

⁶¹ Готье мог бы возразить, что практическая философия Канта основана на якобы объективных ценностях – основание, которое его контрактаризм отрицает (см. *Political Contractarianism*. P. 133.). Ему можно ответить следующее: Во-первых, кантовскую проблему обобщения можно сформулировать и обосновать без обращения к человеческому достоинству (ср. *Westphal K. Do Kant's Principles Justify Property or Usufruct? §§ 4–5; Westphal K. Practical Reason: Categorical Imperative, Maxims, Law // Dudley W., Engelhard K. (Eds.) Kant: Key Concepts. London, 2010. P. 103–119. § 5*). Во-вторых, Готье отрицает (1986, 56–7) объективные ценности на том основании, что они не нужны для объяснения человеческих действий. Но даже если соответствует действительности, нормативная философия морали занимается не только объяснением человеческих действий, но и их оценкой. Простое «объяснение» действий как таковых не касается нормативного вопроса (ср. выше прим. 10). Можно предполагать, что это наблюдение излишне в свете политических ужасов XX в., но как бы то ни было, Готье ошибается, отрицая объективные ценности.

посылкам, которые, должны быть истинными или справедливыми и оправданными – в отношении как отдельных людей, так и обществ (§§ 1, 2), ясно показывают, что его теория общественного договора вообще не дает положительного, решительного или обязательного оправдания общественного договора. Поэтому Готье ошибается, когда утверждает, что его теория общественного договора – «единственная» надежная форма морального конструктивизма (S. 132, ср. S. 133, 142).⁶² Неудача его попытки развить такую теорию общественного договора, наоборот, говорит о том, что надежную форма морального конструктивизма дает недоговорная ветвь нововременного естественного права, которую развивали Юм и Руссо, но прежде всего Кант (и Гегель с опорой на Канта).⁶³ Потому что эти философы установили, что человек как конечное разумное существо ни в теории, ни на практике не может отказаться от участия в обществе и от основных принципов справедливости. Для нас, людей, они отнюдь не произвольны.⁶⁴

Перевод с немецкого А. Чикина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. Т. 2. М.: Канон+, 2006.

Кант И. Сочинения на немецком и русском яз. Т. 3. М.: Наука, 1997.

Кант И. Сочинения на немецком и русском яз. Т. 4. М.: Наука, 2001.

Кант И. Сочинения на немецком и русском яз. Т. 5. Ч. 1. М.: Канон+, 2014.

Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.

⁶² Недавно Саутвуд (см.: *Southwood N. Contractualism and the Foundations of Morality.* Oxford, 2010) попытался разработать «делиберативный контрактализм» (отчасти опираясь на Хабермаса), но эта теория не справляется с похожими проблемами, см. мою рецензию: *Journal of Moral Philosophy* 13(1). 2016. P. 117–121.

⁶³ Ср. *Westphal K. Objektive Gültigkeit zwischen Gegebenem und Gemachtem; Westphal K. Von der Konvention zur Sittlichkeit. Humes Begründung einer Rechtsethik aus nach-Kantischer Perspektive // Heidemann D., Engelhardt K. (Hgg.) Ethikbegründungen Zwischen Universalismus und Relativismus.* Berlin, 2005. S. 153–180; *Westphal K. Kant, Hegel, and Determining Our Duties // Byrd S., Joerden J. (Hgg.) Philosophia practica universalis. Festschrift für Joachim Hruschka. Jahrbuch für Recht & Ethik/Annual Review of Law & Ethics.* 2005. 13. P. 335–354; 2014).

⁶⁴ По приглашению Кристофа Хорна я прочел этот доклад 25.10.2012 в Институте философии Боннского университета. Сердечно благодарю присутствовавших философов за последовавшую увлекательную дискуссию.

Becker L. Reciprocity. Chicago: University of Chicago Press, 1986.

Byrd B., Hruschka J. Der ursprüngliche und a priori vereinigte Wille und seine Konsequenzen in Kants Rechtslehre // Jahrbuch für Recht Und Ethik. 2006. 14.

Chwaszcza C. Hume and the Social Contract: A Systematic Evaluation // Rationality, Markets and Morals: Studies at the Intersection of Philosophy and Economics. 4. 2013. P. 108–130.

De Jasay A. Conduct and Contract // Rationality, Markets and Morals: Studies at the Intersection of Philosophy and Economics. 4. 2013. P. 53–60.

Frederick D. Social Contract Theory Should Be Abandoned // Rationality, Markets and Morals: Studies at the Intersection of Philosophy and Economics. 4. 2013. P. 178–190.

Gaus G. Why the Conventionalist Needs the Social Contract (and Vice Versa) // Rationality, Markets and Morals: Studies at the Intersection of Philosophy and Economics. Vol. 4, 2013. P. 71–87.

Gauthier D. Warum Kontraktualismus? // Celikates R, Gosepath S. (Hgg.) Philosophie der Moral. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2009. S. 464–477.

Gauthier D. Achieving Pareto-Optimality: Invisible Hands, Social Contracts, and Rational Deliberation // Rationality, Markets and Morals: Studies at the Intersection of Philosophy and Economics. 2013. Vol. 4. P. 191–204.

Gauthier D. Morals by Agreement. Oxford: The Clarendon Press, 1986.

Gauthier D. Political Contractarianism // Journal of Political Philosophy. 1997. 5(2). P. 132–148.

Gauthier D. The Logic of Leviathan: The Moral and Political Theory of Thomas Hobbes. Oxford: The Clarendon Press, 1969.

Herman B. The Practice of Moral Judgment. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

Höffe O. Gerechtigkeit als Tausch? Zum politischen Projekt der Moderne. Baden-Baden: Nomos, 1991.

Höffe O. Vernunft und Recht – Bausteine zu einem interkulturellen Rechtsdiskurs. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996.

Horn C. Nichtideale Normativität. Ein neuer Blick auf Kants politische Philosophie. Berlin: Suhrkamp, 2014.

Kant I. Vorarbeiten zu „Die Metaphysik der Sitten Erster Teil“. Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre // Kant’s gesammelte Schriften. Bd. XVIII. Berlin: De Gruyter, 1955.

Kitcher P. Kant versus the Asymmetry Dogma // Kant Yearbook. 2013. Vol. 5. P. 51–77.

Lahno B. “Can the Social Contract Be Signed by an Invisible Hand?”: A New Debate on an Old Question. Introductory note // Rationality, Markets and Morals: Studies at the Intersection of Philosophy and Economics. 2013. Vol. 4. P. 39–43.

Locke J. Zwei Abhandlungen über die Regierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977.

Morris C., Ripstein A. (Eds.) Practical Rationality and Preference. Essays for David Gauthier. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Narveson J. Social Contract: The Last Word in Moral Theories // Rationality, Markets and Morals: Studies at the Intersection of Philosophy and Economics. 2013.

Vol. 4. P. 88–107.

Rühl U. Kants Deduktion des Rechts als intelligibler Besitz. Paderborn: Mentis, 2010.

Schneewind J. History of Western Ethics. Seventeenth and Eighteenth Centuries. // Becker L. C., Becker C. B. (Eds.). The Encyclopedia of Ethics, 2nd ed. London: Routledge, 2001. Vol. 2. P. 730–739.

Southwood N. Contractualism and the Foundations of Morality. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Stemmer P. Handeln zugunsten anderer: eine moralphilosophische Untersuchung. Berlin: de Gruyter, 2000.

Stemmer P. Moralische Rechte als soziale Artefakte // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 2002. 50. P. 673–691.

Sugden R. Contractarianism as a Broad Church // Rationality, Markets and Morals. 2013. Vol. 4. P. 61–66.

Vallentyne P. (Ed.). Contractarianism and Rational Choice. Essays on David Gauthier's „Morals by Agreement“. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Vanderschraaf P. A Governing Convention? // Rationality, Markets and Morals. 2013. Vol. 4. P. 131–156.

Westphal K. A Kantian Justification of Possession // Timmons M. (ed.) Kant's Metaphysics of Ethics: Interpretive Essays. New York: Oxford University Press, 2002. P. 89–109.

Westphal K. Consciousness and its Transcendental Conditions: Kant's Anti-Cartesian Revolt // Lähteenmäki & Remes Heinämaa (ed.). Consciousness: From Perception to Reflection in the History of Philosophy. Springer, 2007.

Westphal K. Die positive Verteidigung Kants der Urteils- und Handlungsfreiheit, und zwar ohne transzendentalen Idealismus // Ludwig B., Brandhorst M., Hahmann A. (Hgg.) Sind wir Bürger zweier Welten? Freiheit und moralische Verantwortung im transzendentalen Idealismus. Hamburg: Meiner, 2012. S. 259–277.

Westphal K. Do Kant's Principles Justify Property or Usufruct? // Jahrbuch für Recht und Ethik/Annual Review of Law and Ethics. 1997. 5. P. 141–194.

Westphal K. Hegel's Epistemological Realism. Dordrecht: Kluwer, 1989.

Westphal K. Hegel's Epistemology: A Philosophical Introduction to the Phenomenology of Spirit. Cambridge MA: Hackett Publishing Co., 2003.

Westphal K. Kant, Hegel, and Determining Our Duties // Byrd S., Joerden J. (Hgg.). Philosophia practica universalis. Festschrift für Joachim Hruschka. Jahrbuch für Recht & Ethik/Annual Review of Law & Ethics. 2005. 13. P. 335–354.

Westphal K. Kant's Constructivism and Rational Justification // Baiasu S., Pihlström S., Williams H. (Eds.). Politics and Metaphysics in Kant. Cardiff: Wales University Press, 2011. P. 28–46.

Westphal K. Natural Law, Social Contract & Moral Objectivity: Rousseau's Natural Law Constructivism // Jurisprudence. 2013. 4 (1). P. 48–75.

Westphal K. Objektive Gültigkeit zwischen Gegebenem und Gemachtem. Hegels kantischer Konstruktivismus in der praktischen Philosophie // Jahrbuch für Recht und Ethik/Annual Review of Law and Ethics. 2003. 11. P. 177–198.

Westphal K. Practical Reason: Categorical Imperative, Maxims, Law // Dudley W., Engelhard K. (Eds.) Kant: Key Concepts. London: Acumen, 2010. P. 103–119.

Westphal K. Urteilskraft, gegenseitige Anerkennung und rationale Rechtfertigung // Klein H.D. (Hg.). *Praktische Philosophie als prima philosophia*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2011. S. 171–193.

Westphal K. Review on: *Contractualism and the Foundations of Morality* by Nicolas Southwood // *Journal of Moral Philosophy* 13(1). 2016. P. 117–121.

Westphal K. Von der Konvention zur Sittlichkeit. Humes Begründung einer Rechtsethik aus nach-Kantischer Perspektive // Heidemann D., Engelhardt K. (Hgg.). *Ethikbegründungen Zwischen Universalismus und Relativismus*. Berlin: DeGruyter, 2005. S. 153–180.

Kenneth R. Westphal

Professor of Philosophy at Boğaziçi University, Philosophy Department, 34342 Bebek/Istanbul, Turkey; Professorial Fellow in the School of Philosophy, University of East Anglia, Norwich Research Park, Norwich, Norfolk, NR4 7TJ, UK. Associate Member, Centre for Philosophy at the UCL Institute of Education, University College London, 20 Bedford Way London WC1H 0AL United Kingdom. E-mail: ken.westphal@boun.edu.tr.

Moral Constructivism, Social Contract Theory and Basic Duties: Kant contra Gauthier

Summary: Gauthier's improved social contract theory begins with an idea of a rational actor but 'finds no basis for postulating a moral need for the justification of one's actions to others. The role of agreement is to address each person's demand that the constraints of society be justified to him, not a concern that he justify himself to his fellows' (Gauthier 1997, 134–135). He contrasts his view with Scanlon's contractualism, according to which agreement with others is the core of morality and each agent has the burden of justifying his or her actions to others. Both of their views count as 'constructivist' because they reject moral realism and hold that normativity is a function of what we do, either individually or collectively. Kant's *Rechtslehre* is neutral regarding moral realism and yet constructivist about moral norms. However, the relevant acts basic to Gauthier's and Scanlon's views concern voluntary agreements we make. Using agreement to establish basic norms faces some serious difficulties. Kant's *Rechtslehre* avoids these problems by showing how basic social norms can be identified and justified independently of voluntary agreement. Moreover, it does so in a way that shows that an individual's justification of his or her acts to others and the justification of the acts of others to any individual are inseparable aspects of one and the same justificatory reasons in which voluntary agreement plays no role. I reexamine Gauthier (1997) because it addresses – and raises – much more fundamental issues than recent discussions of social contract theory, including Gauthier (2013).

Keywords: David Gauthier, Kant, moral constructivism, social contract, contractualism.